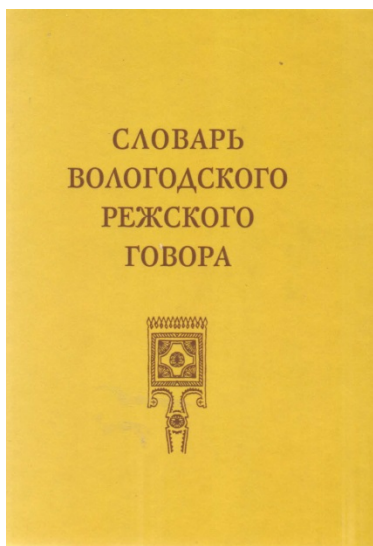

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22274200/16/10

Золотое слово режаков. Рецензия на книгу: Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина; Мин-во науки и образования РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2017. – 604 с.

В словаре систематизирована диалектная лексика режского говора, бытующего в бассейне малой северной реки Режи в Сямженском районе Вологодской области. Собрание местных слов включает в себя наименования и характеристики человека, названия предметов одежды, пищи, домашнего обихода, явлений природы и др. Богатый иллюстративный материал демонстрирует значения слов и дает ценную этнографическую и культурологическую информацию.

Словарь будет интересен диалектологам и историкам русского языка, краеведам, учителям русского языка и литературы, работающим в диалектном окружении, а также учащимся, которые проникнутся идеей патриотического, любовного отношения к говорам родного края.

Вологодская школа историков языка и диалектологов хорошо известна далеко за пределами региона прежде всего благодаря неутомимой деятельности А.С. Ягодинского, Т.Г. Паникаровской, Ю.И. Чайкиной, Г.В. Судакова, Л.Ю. Зориной, Л.Г. Яцкевич и других лингвистов, в центре внимания которых живая народная речь. Результатом работы по исследованию этнокультурного ландшафта края стал «Словарь вологодских говоров» [1]. Только незначительная часть его материалов использовалась при подготовке рецензируемого словаря, который был создан на основе специальной картотеки научных экспедиций Л.Ю. Зориной, представляющей собой уникальное фактографическое описание говора одной местности. Изучение необъятных

просторов севера России продолжается и поныне (автор рецензии и сам, по счастью, участвовал в такой экспедиции в 2012 г.).

Новый словарь – один из успешных проектов многолетней научно-практической деятельности (с 1983 по 2017 г.) авторского коллектива преподавателей, аспирантов и студентов Вологодского государственного педагогического института (позднее – университета) по описанию и анализу оригинального режского диалекта, который сохранился благодаря природным и социокультурным условиям почти до настоящего времени в деревнях, расположенных по руслу реки Режи Сямженского района Вологодской области. В ходе экспедиционных поездок и работы над «Словарем» были изучены отдельные лексические пласты, осуществлялась фонетическая расшифровка речи диалектоносителей и уточнялись акцентологические характеристики говора, свидетельствующие об островном характере севернорусского феномена «режаков». Результаты полевой практики нашли отражение в коллективных монографиях [2, 3] и многочисленных статьях. В изучении этого лингвистического явления участвовали Е.П. Андреева, Е.Н. Варникова, С.Б. Виноградова, Д.В. Глебова, Е.Н. Иванова, Е.Н. Ильина, Н.В. Комлева, Н.А. Новожилова, Т.Г. Овсянникова, Т.В. Парменова и др. Финальная часть проекта осуществлялась при поддержке РГНФ в течение 2015–2017 гг. и «была нацелена на изучение лингвистических, этнических и ментальных особенностей жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области» [4. С. 5].

Новизна «Словаря» заключается в том, что введен в оборот ранее не описанный языковой материал, собранный в полевых условиях: это «значительный корпус диалектных слов, фразеологизмов, паремий, в том числе архаических, не отмеченных на других территориях, специфичных в национально-культурном отношении» [4. С. 6]. По мнению руководителя проекта Л.Ю. Зориной, «в ходе исследования подтверждено, что Режа – это уникальное поселение со свойственной ему самобытной народной культурой» [4. С. 6], которую удалось не только сохранить в виде традиционной бумажной картотеки, но и оцифровать. Работа носила комплексный характер: изучение речи диалектоносителей сопровождалось проникновением в их мироустройство, в островной менталитет, знакомством с предметами быта и реальной профессиональной практикой.

Колоритные старинные обычаи и обряды «режаков» сопровождали исследователей повсюду и давали возможность прикоснуться ко многим

исчезающим явлениям народной культуры. Таковы, например, отмеченные в «Словаре» специальные народные названия из сферы ткацкого дела, продуктов питания, обрядовая лексика: *дотыка́льно* 'приспособление у навоя домашнего ткацкого стана в виде раздвижной рамы для заканчивания, "дотыкания" основы' [5. С. 102], *дрочёна* 'кушанье из запеченной смеси вареного толченого картофеля, молока и яиц' [5. С. 104], *загибёнька* 'пирог, в процессе приготовления которого на половину раскатанного теста накладывается начинка, другой половиной ее закрывают и защипывают края с овальной стороны' [5. С. 125].

В «Предисловии» к «Словарю» так говорится о специфике изучаемой местности: «Вплоть до 80-х – 90-х годов XX века сельские жители обитали здесь практически в изоляции от центров культуры и поэтому сохраняли в своей речевой практике традиционные особенности местного говора» [5. С. 4].

Структура рецензируемого издания состоит из «Предисловия» с указанием принятых сокращений [5. С. 4–10] и словника [5. С. 11–602]. В небольшом вступлении содержится информация об истории изучения режского говора и принципах построения словарной статьи. Важно, что в тексте отражены характерные фонетические особенности: у-неслоговое, цоканье и другие явления. Авторы отмечают, что в толковании слова они придерживаются как описательного, так и энциклопедического способов [5. С. 7]. Указаны грамматические, стилистические и специальные пометы (в том числе «охот.», «плотн.», «рыбол.», «ткац.») слов, обозначены устойчивые сочетания. Отмечается также динамика функционирования лексемы в виде сокращений «нов.» и «устар.» [5. С. 8]. Включены названия населенных пунктов и список информантов (указаны фамилии, имена и отчества последних, в словарных статьях даются только сокращенные наименования деревень и сельсовета). Количество иллюстративного материала авторы ограничили максимум пятью фразами [5. С. 7]. Публикация записей речи диалектоносителей приводится в упрощенной орфографии [5. С. 7].

Приведем примеры словарных статей:

1. Ба́бка: Ба́бка-яга́бка. 1. *Баба-яга.* У, заберёт тя ба́бка-яга́бка! *Грид.* 2. *Злая старая же́ница.* Как злая ба́бка, дак зову́т ба́бка-яга́бка. *Грид.*

2. Ба́бка: Ба́бка-ли́пка. *Бабочка.* Вон, деУки, погледитё, кака́я ба́бка-ли́пка-то красивая, вон сидит на цветке́-то. *Монаст.* [5. С. 12];

Челядёнок, нка, м. *Непослушный ребенок*. А он у них такой пры́ткий! Не ребёнок, а челядёнко! *Монаст.* [5. С. 571].

К достоинствам «Словаря» стоит отнести, во-первых, использование оригинального, лично собранного и лингвистически идентифицированного разнообразного диалектного материала, сохранившегося на небольшом пространстве одной исторической местности по течению реки Режи: наименований предметов быта (*зобёнька* ‘небольшая корзина круглой или овальной формы, плетенная из бересты, березового лыка’) [5. С. 160] и духовной культуры (*мудру́шка* ‘ряженный на святках’) [5. С. 265], устойчивых выражений (*при однём лёбе* ‘о неразделенной любви’) [5. С. 249], эмоционально-экспрессивной лексики (*охіточка* ‘уход за собой’) [5. С. 333] и т.д.

Во-вторых, «Словарь» дает не только «перевод» диалектного слова на современный литературный язык, но и объясняет его использование в конкретной речевой ситуации. В ряде случаев авторы дают расширенное энциклопедическое объяснение тому или иному понятию, показывают его национальный «характер». Таково, например, объяснение слова *бук* ‘деревянная кадка на ножках с отверстием сбоку для слива воды, в которой кипятили и отбеливали белье и пряжу. В бук наливали воду, нагревали ее, опуская раскаленные камни, затем клали белье, покрывая его сверху соломой, на которую сыпали золу и лили горячую воду для получения щелока; воду в буке меняли несколько раз’ [5. С. 35–36].

В-третьих, преимущество словаря одного говора типа «Деулинского» и «Вершининского» заключается в том, что описание и анализ монодиалектного материала позволяют ученым проникнуть в *систему* субкультуры языка, понять законы его развития и причины угасания, выделить наиболее значимые свойства живой речи, найти и прокомментировать специфические для этой местности глоссы, установить связи с другими региолектами и др. Таким образом, создается подобие филологической энциклопедии русской деревни, в которой не только звук, но и знак как элемент духа народа составляют единое пространство психологической, лингвистической, ментальной, эстетической и даже философской картины мира – тот уникальный феномен языковой личности, который разгадывали А.Ф. Гильфердинг и В.И. Даль, А.Н. Афанасьев и Ф.И. Буслаев. Ее «система координат» как раз начинает работать именно в рамках монокультуры и социолекта, каким можно считать «режское наречие».

Четвертый признак – *этнографизм* цветного полотна народного слова. Оно, несмотря на суровые условия быта жителей, раскрашивает своими узорами традиционный уклад, создает определенный микроареал, выросший на уникальном диалектном ландшафте, – то, что теперь называют *региональным текстом*. Выразительны, образны и приятны на слух многие режские словечки, впитавшие, как кажется, сам природный орнамент русской глубинки и выразившие его в своих особенных звуках, интонациях, метафорике: *У неё дэУка-то форсiстая, без ковыляшки не уснёт*, где *ковыляшка* – ‘детская кроватка, ножки которой прибиты к загнутым брускам-подставкам; колыбелька’ [5. С. 197]; *Здрáвствуй, нос красной, коковá как зáрево*, здесь *коковá* – ‘кончик носа’ [5. С. 200]; *Колобушки-ти бóльно слáдкие получились*, т.е. булочки круглой формы [5. С. 203]; *Чего кусничае, куски оставляете?* [5. С. 235]; *Лешачина тебя понеси* – имеется в виду ‘в суеверных представлениях – дух леса, его хозяин; леший’ [5. С. 241]; *Мáтица-доброхóтица, бáтюшко-доброхóтушко! Пойдём со мной домóй. Так говорят, когда неvéста переезжáет в дом мýжа. Или семья в другóй дом*; здесь *мáтица* – ‘сверхъестественное существо женского пола, добрый дух, живущий в доме’ [5. С. 254–255]. Именно эта черта диалектных словарей, по мнению В.М. Мокиенко, «делает их ценнейшим культурологическим источником» [6. С. 148]. В нем обнаруживаются черты старинных языческих верований и обрядов – народной мифологии и демонологии.

«Ласковые» слова – тоже характерная примета народной речи. Безымянные создатели выразили в них свои душевные чувства, как будто Божья благодать осенила их и вела играючи по тропинкам словесных рисунков народной речи: *обúточка* ‘обувь’ [5. С. 307], *огóшек* и *огошóк* ‘огонь, пламя’ [5. С. 310], *огошóчек* ‘огонек’ [5. С. 310], *окомёлочек* ‘старый, истершийся от применения веник’ [5. С. 317], *пестёрик* ‘плетенный из лыка или бересты футляр, в который кладут брусок для правки косы’ [5. С. 353], *тевелёчек* ‘кусочек чего-либо’ [5. С. 525], *чиченька* ‘ласковое обращение к овце’ [5. С. 577] и мн. др.

Красива и разнообразна лексическая система живой речи «режаков», где можно обнаружить как собственно диалектизмы вроде *бздавáть* ‘прибавлять пару в крестьянской русской бане, плеская водой на раскаленную печку-каменку’ [5. С. 24], уменьшительно-ласкательное *долóбинка* ‘тропинка’ [5. С. 98]; семантические диалектизмы типа *тосká* ‘постоянная ноющая боль’ [5. С. 534], *яблоки* ‘картофель’ [5. С. 597];

лексико-словообразовательные, например *лужáек* ‘луг, лужок на территории деревни’ [5. С. 247], *шурáк* ‘брат жены, шурин’ [5. С. 591]; фонематические диалектизмы: *дёнышко* ‘дно’ [5. С. 86], *жулётка* ‘жилетка’ [5. С. 116].

Очень интересны и показательны фразеологизмы в составе режского говора, например: *за мiлу бéлку* ‘с большим удовольствием, охотно’ [5. С. 20], *káшка берёзовая* ‘физическое наказание, порка’ [5. С. 22], *блэнд-выша поймáть* ‘получить сильный удар’ [5. С. 25], *как бóжий бычóк* ‘об очень глупом человеке’ [5. С. 28], *грехi сдавáть* ‘исповедаться’ [5. С. 74], *зáдницу привалiть* ‘прилечь для отдыха’ [5. С. 128], *воробью до колéна* ‘мелко (об уровне воды в водоеме)’ [5. С. 201], *с Москвóй в однóм огорóде* ‘о чем-либо, что не отделено забором, не огорожено’ [5. С. 263], *яз≥чик почiстить* ‘полакомиться’ [5. С. 600] и мн. др.

Особое внимание Л.Ю. Зорина, как и в других своих работах (см., например [7]), уделила описанию системы этикетных средств – благопожеланий. Эти выразительные черты народного говора не только характеризуют его формальные особенности, но и показывают духовный облик жителей тех мест, ведь категория вежливости всегда была свойственна русскому крестьянину. Замечательны такие примеры благопожеланий, приводимые в «Словаре»: *Добрá и здорóвья печёюшке!* – женщине, которая печет хлеб, пироги [5. С. 355]; *Сáхар – мясо!* – человеку, забивающему скотину на мясо [5. С. 460]; *Споринá в квашнiю (на квашнiю)!* – хозяйке, замешивающей тесто [5. С. 499]; *Шерсть – нiтки!* или *Шерсть под нóжницы!* – тому, кто стрижет овцу [5. С. 585] и т.д.

Обращают на себя внимание и элементы режской паремиологии, например: *Без верхос≥тки и стол не богáт (верхосы́тка – ‘кушанье, подаваемое в завершение обеда или ужина’)* [5. С. 42]; *Не уродiсь, дéрево, на сковорóдник, а пáрень на живóтника (живóтник – муж, перешедший жить в дом жены)* [5. С. 114]; *У плохóго хозяина в телéге и два колесá захоботя́т (захоботiть – ‘начать болтаться, вихлять’)* [5. С. 152].

В редких примерах и выражениях современный читатель, незнакомый с реалиями быта прошлого века, может услышать и отголоски советской «культурной традиции». Например, во фразе *Мы-то прóжили – однá рабóта удавлённая* говорится «об очень тяжелой, многотрудной жизни» [5. С. 547].

В «Предисловии» указано, что в книгу включены «слова, не входящие в состав русского литературного языка» [5. С. 6], однако от-

дельные элементы нормативности все же присутствуют в статьях и под влиянием народной речи перерабатывают свое «культурное» значение, придают ему местный колорит. В результате такого взаимодействия происходит семантический сдвиг, а рожденная в говоре лексема получает оттенок в значении: внешняя оболочка остается той же, но содержание наполняется «духом народа». В таких контекстах данные слова могут относиться к семантическим диалектизмам. Это, например, лексемы *артель* [5. С. 11] в первом значении ‘группа лиц, связанных общими действиями’, *бахилы* ‘род обуви типа высоких галош’ [5. С. 18], *божественный* ‘относящийся к религии; церковный’ [5. С. 27]. Необходимо отметить, что здесь очень тонкая грань, и, на наш взгляд, бывает недостаточно только одного примера для доказательства «народности» слова, как в случае с глаголом *покурить* ‘покурить’, где в качестве иллюстрации приводится такой текст: *Утром вьшел покурить, дак у меня и спинá замёрзла* [5. С. 384].

В «Словаре», кроме собственно режской диалектной стихии, представлены также устаревшие и современные срезы лексики, которые характеризуют этнокультурное пространство жителей вологодских деревень и вообще Русского Севера. Значит, в «энциклопедии режских говоров» будут уместны как локальные, узусные элементы, так и общеславянские, и старорусские, и общенародные слова. К подобным примерам можно отнести следующие статьи: *вёкша* ‘белка’ [5. С. 40], *вепрь* ‘поросенок’ [5. С. 41], *вякать* ‘говорить, рассказывать’ [5. С. 64], *давеча* и *давече* ‘некоторое время тому назад, незадолго до момента разговора, совсем недавно’ [5. С. 77], *завсегдá* ‘постоянно, всегда’ [5. С. 123], *кажись* ‘возможно, кажется’ [5. С. 176] и др. Конечно, вопрос включения / невключения в «Словарь» дифференциального типа лексем, функционирующих в системе литературного языка, непростой и требует дополнительной проработки. Эта «общезыковая плоть» диалектов (выражение В.М. Мокиенко) входит в каждый, даже самый «замкнутый» говор и уживается в нем как часть национальной субкультуры, воспринимается его носителями как реальный (=местный) словарный архетип речи.

Рецензия предполагает не только общий обзор лексикографического источника, оценку качества проведенной работы, но и показывает пути усовершенствования «Словаря». К числу этих пожеланий отнесем, например, такое: считаем целесообразным составить и поместить в конце издания указатель слов и перечень устойчивых оборотов и фразеологизмов.

Полагаем, что необходимо упорядочить энциклопедические (ботанические) наименования растений и грибов. Так, в одном случае читаем: *беломойка* ‘растение тайник яйцевидный из семейства орхидных, из корня которого готовился настой для умывания, придающий лицу румянец’ [5. С. 21]. Следующая статья упрощена: *белу́с* ‘травянистое злаковое растение’ [5. С. 21]. В другом примере помещена отсылка к латинскому названию: *клеверник* ‘клевер, *Trifolium pratense* L., а также цветы (головки) этого растения’ [5. С. 191]. Иногда точное наименование растения не установлено: *вдовец* ‘сорная трава с колючими стеблями (какая?)’ [5. С. 39], *горчунник* ‘трава (какая?)’ [5. С. 72]. В словарной статье *кипрейник* ‘кипрей’ [5. С. 188] дается предельно краткая характеристика названия растения. Похожее наблюдается при характеристике грибов, например: *подберёзоватик* – это только ‘гриб подберезовик’ [5. С. 368], а *подосиноватик* – ‘гриб *Boletus aurantiacus*, подосиновик’ [5. С. 375].

Не во всех случаях имеются стилистические пометы, например: *буза* > *наводить бузу* ‘провоцировать ссору’ [5. С. 36], *бутылка в рыле* ‘о распитии спиртных напитков из горлышка’ [5. С. 37]; после заголовочного слова *прогариночка* ‘пропущенное место в поле при пахоте, посеве, уборке <...>’ дается помета «ум.-ласк.» [5. С. 419], а в статьях *ребёнчик (робёнчик)* и *ребятёнок* [5. С. 444–445], *теплушечка* [5. С. 527] отсутствует.

Отдельный вопрос, который всегда возникает при ознакомлении с необычной народной лексикой, – это ее происхождение. И хотя Л.Ю. Зорина уже поднимала данную проблему [4], думается, к ней стоит вернуться. Предлагаем в приложении к переизданию «Словаря» дать список заимствований с указанием кратких историко-этимологических справок (или поместить их в самой статье после заголовочного слова), например, о словах *вомель* (*вомёл*) ‘до крайней степени, совершенно’ [5. С. 52], *куржэвина* и *куржэвина* ‘иней’ [5. С. 235], *курья* ‘глубокое место в реке, омут’ [5. С. 235], *шаньга* ‘сочень из мороженого теста с начинкой из пшенной каши, толченого картофеля или др.’ [5. С. 582], *шарга* ‘тонкая металлическая полоска, скрепляющая деревянную ручку косы с полотном’ [Там же. С. 583], *юста* ‘сырой снегопад’ [5. С. 596] и т.п.

Еще в рецензии на «Словарь вологодских говоров» В.М. Мокиенко отмечал как положительный факт наличие в первом выпуске рисунков предметов деревенской материальной культуры [6. С. 149]. Счи-

таем, что эту практику стоит учитывать и при разработке концепции монодиалектных словарей.

Многие вопросы, которые мы указали во второй части рецензии, конечно же, можно трактовать и по-другому, опустив спорные моменты или сопроводив ими научную работу иного жанра. Словарная практика во многом консервативна, но желание *увидеть* диалектный текст с разных сторон позволило нам в какой-то мере посягнуть и на святая святых традиционной лексикографической школы.

Подведем итог нашим наблюдениям. «Словарь вологодского режского говора» – очень ценный, редкий источник социо- и этнокультурного языкового материала о жизни, быте и деятельности вологжан, которые в течение многих веков хранили и передавали из поколения в поколение уникальные особенности местного диалекта, развивавшегося вплоть до конца XX в. и составившего неотъемлемую черту народного самосознания «режаков» (по словам автора идеи, Л.Ю. Зориной, в Реже в 1983 г. проживало около 4 тыс. жителей, а к настоящему времени, по данным местной администрации, осталось немногим более двухсот человек). Их черты, обаяние живого слова и созданные природным умом образы рисуют уходящий мир русской деревни с ее многовековым укладом, традициями, верованиями и безыскусной фантазией людей, преданных исконному корнеслову и обретших в нем гармонию духа.

Опубликованный «Словарь» существенно обогатил научную теорию и практику интересными находками, фиксацией *звучащей* речи и фактически описал в малом нашу историю – ту летопись языка, которая создавалась вдохновенным разумом, смекалкой, творчеством и человеческой любовью к слову наших предков. Когда-то, на заре научной диалектологии, наши классики призывали ученых беречь и изучать народную культуру [8]. Можно сказать, что рецензируемый лексикон – это памятник жителям Режи, их говору и богатой событиями хронике жизни забытых ныне и почти стертых с лица земли поселений Русского Севера. Хочется верить, что интересный опыт вологодских ученых будет востребован лексикографами при составлении новых словарей и получит заслуженное признание не только филологов, но и краеведов, историков, музейных работников, а слова В.И. Даля о том, что «язык народа, бесспорно, главнейший и неисчерпаемый родник наш», еще долго будут подпитывать творческим энтузиазмом поколения исследователей-словознатцев.

Литература

1. *Словарь вологодских говоров* / под ред. Т.Г. Паникаровской (вып. 1–6) и Л.Ю. Зориной (вып. 7–12). Вологда : ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. Вып. 1–12.

2. *Андреева Е.П., Зорина Л.Ю., Иванова Е.Н. и др.* Описание говора режского поселения Сямженского района Вологодской области в контексте изучения речевой культуры Вологодского края // *Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим* / науч. ред. Ю.Н. Драчева, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина. Вологда : Легия, 2015. С. 9–109.

3. *Андреева Е.П., Варникова Е.Н., Глебова Д.В. и др.* Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта / науч. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда : ВоГУ, 2016. 261 с.

4. *Зорина Л.Ю.* Режа и режаки: от идеи до завершения проекта // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2018. Т. 10, вып. 2. С. 5–15.

5. *Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области)* / науч. ред. Л.Ю. Зорина; Мин-во науки и образования РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда : ВоГУ, 2017. 604 с.

6. *Мокиенко В.М.* (рец.) *Словарь вологодских говоров*. Вып. 1–12. Вологда : Изд-во Вологод. гос. пед. ун-та, 1983–2007; *Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Республики Мордовия)*. Т. 1–8. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006; *Словарь смоленских говоров*. Вып. 1–11. Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974–2005 // *Вопросы языкознания*. 2009. № 1. С. 147–154.

7. *Зорина Л.Ю.* Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда : ВГПУ, 2012. 216 с.

8. *Никитин О.В.* Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново и А.М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // *Вопросы языкознания*. 2002. № 1. С. 91–102.

О.В. Никитин

The Folk Word of Vologda. Book Review: Zorina, L.Yu. (Ed.) (2017) *Slovar' Vologodskogo Rezhskogo Govora (Po Materialam Dialektologicheskikh Ekspeditsiy v Syamzhenskiy Rayon Vologodskoy Oblasti)* [Dictionary of the Vologda Rezh Dialect (Based on the Materials of Dialectological Expeditions to the Syamzhensky District of Vologda Oblast)]. Vologda: Vologda State University. 604 P.

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 164–174.

DOI: 10.17223/22274200/16/10

Oleg V. Nikitin, Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: olnikitin@yandex.ru

References

1. Panikarovskaya, T.G. & Zorina, L. Yu. (eds) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh gorov* [Dictionary of Vologda Dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical University.

2. Andreyeva, Ye.P. et al. (2015) Opisaniye govora rezhskogo poseleniya Syamzhenskogo rayona Vologodskoy oblasti v kontekste izucheniya rechevoy kul'tury Vologodskogo kraya [Description of the dialect of the Rezh settlement of the Syamzhensky district of the Vologda region in the context of the study of the speech culture of the Vologda territory]. In: Dracheva, Yu.N., Zorina, L.Yu. & Il'ina, Ye.N. (eds) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: mezhdru proshlym i budushchim* [Vernacular Speech of the Vologda territory: between the past and the future]. Vologda: Legiya. pp. 9–109.

3. Andreyeva, Ye.P. et al. (2016) *Rezhskiye teksty kak istochnik etnolingvisticheskogo opisaniya severnorusskogo dialekta* [Rezh Texts as a Source of Ethnolinguistic Description of the North Russian Dialect]. Vologda: Vologda State University.

4. Zorina, L.Yu. (2018) Rezha and Rezhaki: from the idea to the completion of the project. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2 (10). pp. 5–15. (In Russian).

5. Zorina, L.Yu. (ed.) (2017) *Slovar' vologodskogo rezhskogo govora (po materialam dialektologicheskikh ekspeditsiy v Syamzhenskiy rayon Vologodskoy oblasti)* [Dictionary of the Vologda Rezh Dialect (based on materials of dialectological expeditions to the Syamzhensky district of the Vologda region)]. Vologda: Vologda State University.

6. Mokiyyenko, V.M. (2009) Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–12. Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1983–2007; Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoy ASSR (Respubliki Mordoviya). T. 1–8. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 1978–2006; Slovar' smolenskikh govorov. Vyp. 1–11. Smolensk: SGPI (SGPU), 1974–2005 [Dictionary of Vologda Dialects. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical University, 1983-2007; Dictionary of Russian dialects on the territory of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic (Republic of Mordovia). Vols 1–8. Saransk: Mordovia State University, 1978-2006; Dictionary of Smolensk dialects. Vols 1–11. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University, 1974–2005]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 147–154.

7. Zorina, L.Yu. (2012) *Vologodskiye dialektnyye blagopozhelaniya v kontekste traditsionnoy narodnoy kul'tury* [Vologda Dialect Well-Wishes in the Context of Traditional Folk Culture]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.

8. Nikitin, O.V. (2002) Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyakh D.N. Ushakova, N.N. Durnovo i A.M. Selishcheva (neizvestnyye stranitsy istorii Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly) [Moscow dialectological commission in the memoirs of D.N. Ushakova, N.N. Durnovo and A.M. Selishcheva (unknown pages of the history of the Moscow Linguistic School)]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 91–102.